

Глава 10

Карл в Саксонии

Неожиданное вторжение Карла XII во главе шведской армии в самое сердце Германии потрясло западные страны. Здесь, в Саксонии, молодой монарх оказался на виду у всей Европы, притягивая к себе любопытные взоры. Все его поступки, привычки и склонности стали предметом пристального внимания. Многие специально старались проехать мимо Альтранштадтского замка в надежде хоть краем глаза увидеть молодого короля. Однако европейские монархи, их министры и военачальники испытывали не столько любопытство, сколько озабоченность. Все понимали, что Карл явился в Саксонию затем, чтобы завершить эпопею с лишением Августа польского трона. Теперь цель эта была достигнута, и все терялись в догадках, что же будет дальше. Закаленная в боях, не знавшая поражений шведская армия стояла лагерем в центре Европы, всего в 200 милях от Рейна. Куда повернет молодой монарх свои непобедимые штыки? Всю весну и лето 1707 года иностранные эмиссары следовали по пятам за шведским королем в поисках ответа на этот вопрос.

У некоторых из них были свои пожелания и предложения. Посол Людовика XIV предложил объединить шведскую армию с армией французского маршала Виллара для поддержания равновесия в Германии; впоследствии Франция и Швеция могли бы разделить немецкие княжества между собой. Силезские протестанты упрашивали Карла остаться в Германии, чтобы защитить их от католического императора. (Пригрозив походом на Вену, Карл добился для силезцев права вновь открыть лютеранские кирхи; как признавался император Иосиф, он был рад хотя бы тому, что шведский король от него самого не потребовал перейти в лютеранство.) Но самым знаменитым среди тех, кто посетил замок Карла в Саксонии, был Джон Черчилль, герцог Мальборо, фигура и в военном, и в политическом отношении самая яркая во всей антифранцузской коалиции.

Едва Карл вступил в Саксонию, герцог выразил опасение по поводу того, что король, известный своей враждебностью по отношению к империи Габсбургов, в запальчивости может подорвать хрупкий союз католических и протестантских держав, противостоявший посягательствам Людовика XIV на гегемонию в Европе. Английский посланник при дворе Карла Джон Робинсон отправил в Лондон мрачное послание, пытаясь предсказать, как поведет себя победоносный шведский король в роли европейского арбитра. «То, что он преисполнится расположением к союзникам, маловероятно, – писал Робинсон, – то, что он будет принуждать их заключить невыгодный мир, не столь уж невероятно; то, что он будет действовать против них, вполне возможно; а если так... нам придется терпеть все, что ему придет в голову. Ибо, полагая, что война в Польше и Московии идет к концу, ни император, ни Дания, ни Пруссия, и ни один немецкий князь или государство не осмелятся выступить против него. Все будут покорны его воле, и Англии с Голландией придется последовать их примеру или остаться в одиночестве».

Мальборо понимал, что в отношениях со взбалмошным Карлом следует проявлять особую осмотрительность. Сразу же после вторжения шведской армии в Саксонию герцог писал союзникам в Голландию: «Когда бы [Генеральные] штаты или Англия ни обратились с посланием к королю Швеции, следует позаботиться о том, чтобы в письмах не содержалось даже намека на угрозу, поскольку у шведского короля своеобразное чувство юмора». При общении с Карлом требовался особый подход – благоразумие, взвешенность и дипломатическое чутье, и поэтому Мальборо вызвался лично посетить короля. Предложение герцога было принято благожелательно, и 20 апреля 1707 года Мальборо выехал из Гааги и через всю Германию отправился в Альтранштадт. Хотя герцог был прославленным полководцем, он все же не был монархом, и в Альтранштадте его встречал не Карл, а его старший советник и фактический премьер-министр, граф Пипер. Когда англичанин прибыл, Пипер, сославшись на занятость, заставил Мальборо дожидаться в карете полчаса, прежде чем соизволил спуститься с крыльца, чтобы наконец принять посла королевы Анны. Но в этой игре Мальборо ему не уступил. Увидев, что швед направляется к нему, Мальборо

вышел из кареты, надел шляпу и прошел мимо Пипера, словно не замечая его. Отойдя на несколько футов и повернувшись к графу спиной, герцог невозмутимо стал мочиться на стену, и теперь ждать пришлось Пиперу. Затем герцог привел в порядок свой туалет и приветствовал Пипера со всей подобающей учтивостью. Теперь они были квиты и вместе вошли в замок, где в течение часа вели беседу.

На следующее утро, чуть позднее десяти часов, герцога пригласили к королю. Так встретились два крупнейших военачальника того времени. Пятидесятилетний розовощекий герцог был в парадном облачении – на великолепном алом мундире выделялась голубая лента и звезда ордена Подвязки. Перед ним стоял двадцатипятилетний король, лицо его обветрилось и загорело, одет он был в свой неизменный синий мундир и высокие ботфорты, на боку висела его любимая длинная шпага. Беседа продолжалась около двух часов, «пока не протрубили полдень и короля призвали к вечерней молитве». Мальборо говорил по-английски – этот язык Карл понимал, но говорить на нем не мог, и Робинсон, тридцать лет прослуживший английским посланником в Швеции, переводил, когда в этом возникала нужда. Мальборо представил королю письмо от королевы Анны, написанное, по ее собственному выражению, «от чистого сердца». Мальборо постарался, как мог, усилить благожелательную тональность послания: «Когда бы королеву не удерживал обычай ее пола, она не остановилась бы перед тем, чтобы пересечь море, дабы узреть государя, коим восхищается целый свет. Мне в этом повезло несравненно более, нежели королеве, и я мечтал бы послужить в какой-нибудь кампании под началом столь великого полководца, чтобы пополнить свои познания в военном искусстве». Но эта лесть не вскружила головы Карлу, который впоследствии заметил, что для солдата герцог чересчур разряжен, а речь его слишком цветиста.

За время своего двухдневного визита в шведский лагерь Мальборо не сделал никаких официальных предложений. Он лишь старался уяснить намерения короля и настроение армии. Зная о том, что Карл равнодушен к судьбе германских протестантов, герцог демонстрировал всяческое понимание и сочувствие со стороны Англии в этом вопросе. При этом он, однако, от имени Англии убеждал Карла, что нельзя оказывать чрезмерного давления на католического императора, пока не завершится война с более опасным противником, тоже католиком, – королем Франции Людовиком XIV. Мальборо осторожно разведал состояние шведской армии и отметил, что орудий у шведов совсем немного, а полевая медицинская служба, которая в английской армии стала нормой, просто отсутствует. Из разговоров он понял, что вопрос о русской кампании решен: по мнению шведских офицеров, им предстояла тяжелая работа года на два, не меньше. Мальборо оставил Альтранштадт со спокойным сердцем, довольный результатами своей миссии: «Я думаю, после этого визита мы можем считать, что все надежды, которые французский двор возлагал на короля Швеции, напрасны».

* * *

В 1707 году, на пороге всей величайшей авантюры, король-триумфатор был уже не тем восемнадцатилетним юношей, который семь лет назад вышел в море навстречу своему противнику. Телосложением Карл по-прежнему походил на юношу – пяти футов девяти дюймов ростом, узкий в бедрах, но широкий в плечах. Однако годы наложили заметный отпечаток на его лицо. Узкое, продолговатое, с оспинами лицо короля было теперь всегда темное от загара, и на нем выделялись тонкие, светлые морщинки от привычки щуриться на солнце. Его синие глаза смотрели спокойно и насмешливо; на полных губах играла всепонимающая улыбка человека, повидавшего мир. Карл не носил ни бороды, ни усов, ни парика; он зачесывал наверх свои рыжеватые волосы, прикрывая уже заметную лысину.

Карл так же мало заботился о своем платье, как и о своей персоне; простой синий кафтан с медными пуговицами и высоким воротником, под ним желтый камзол, желтые брюки, высокие кавалерийские ботфорты из грубой кожи на высоких каблуках с поднятыми

отворотами, доходившими ему до середины бедра. Шею он повязывал платком из черной тафты, на руках были грубые перчатки из оленьей кожи с широкими раструбами, и на боку висела непомерно тяжелая, длинная шведская шпага. Треуголку король надевал нечасто: летом его волосы выгорали на солнце, осенью и зимой голова была открыта снегу и дождю. В холодную погоду Карл накидывал на плечи обычный кавалерийский плащ. Даже в разгар битвы он не облачался в кирасу, чтобы защитить грудь и спину от пули, пики или сабельного удара. На войне Карл порой по несколько дней не снимал этого платья и в нем же спал – когда на походном матраце, когда на копне соломы, а когда и на голых досках. Стянув сапоги, положив сбоку шпагу, чтобы ее можно было без труда найти в темноте, завернувшись в плащ, он устраивался на ночь, и перед тем как отойти ко сну, немного читал из Библии в кожаном, с золотым тиснением переплете, которую повсюду возил с собой, пока она не была утеряна под Полтавой. Спал он не более пяти-шести часов.

Стол короля тоже был прост – на завтрак ему подавали хлеб и, при возможности, масло, которое он намазывал на хлеб большим пальцем. На обед он ел жирное мясо, сырые овощи и хлеб, запивая все водой. Ел он всегда руками и молча. На обед у него редко уходило больше пятнадцати минут, а во время долгих переходов он ел, не слезая с седла.

Даже когда армия останавливалась на отдых, Карл не прекращал напряженных физических упражнений. Во дворе Альтранштадтского замка короля всегда ждал оседланный конь; почувствовав потребность размяться, король вскакивал в седло и мчался во весь опор, предпочитая дождливую и ветреную погоду. В помещении он не находил себе места и беспрестанно шагал из угла в угол. Стиль его писем был незатейлив, да и сами письма сплошь покрыты чернильными пятнами и следами подчисток. Свои послания Карл чаще диктовал, расхаживая по комнате и заложив руки в перчатках за спину. За перо он брался лишь затем, чтобы поставить неразборчивый росчерк – «Карл».

При всей своей непоседливости, король умел терпеливо выслушать собеседника. Во время беседы Карл сидел опершись ладонью на рукоять шпаги и слегка улыбался. Если кто-то обращался к королю, когда тот был в седле, он снимал шляпу и держал ее под мышкой до конца разговора. С подчиненными (а всю жизнь, за крайне редкими исключениями, Карлу приходилось общаться только с подчиненными) он держался ровно, приветливо и дружелюбно, но избегал фамильярности, сохраняя дистанцию между подданным и государем. Он почти никогда не выходил из себя и, как бы ни был занят, никогда не оставлял без внимания прошения своих офицеров. Ему нравилось, когда вокруг него царили бодрость и оживление, – тогда он садился поудобнее, наблюдал и слушал со спокойной улыбкой. В подданных Карл ценил прямоту, энергию и оптимизм и позволял тем, кто был с ним не согласен, свободно отстаивать свое мнение.

Превратности судьбы лишь подхлестывали короля. Опасность раскрывала негибкую твердость – порой жестокость его натуры. Когда приближалась битва, он всегда выступал вперед, и от всей его фигуры веяло решимостью и силой. Наступал момент, когда прекращались споры и приказы короля исполнялись беспрекословно. Он вел за собой не только властью, дарованной ему королевским саном, но и личным примером. Офицеры и солдаты видели его самообладание, бесстрашие, готовность не просто разделить с ними тяготы, но и взять на себя большую их часть. Карла почитали не только как государя, им восхищались как человеком и солдатом. Он мог не сомневаться в том, что любой его приказ будет выполнен. Мановением шпаги он двигал войска в атаку. Сказано – сделано: никто в его окружении не мыслил иначе. Победы следовали одна за другой, и вместе с ними крепло взаимное доверие между воинами и военачальником, росла уверенность в победе. Это помогало Карлу поддерживать в армии высочайшую дисциплину, он не нуждался в показной строгости и мог быть уверен в том, что непринужденность и веселье не нарушат дистанцию между ним и его людьми.

В прямолинейной целеустремленности Карла заключалась и его сила, и его слабость. Он всегда шел прямо к своей цели, отбросив все иные соображения. Была ли то охота на зайцев, или шахматная атака, или намерение свергнуть с престола враждебного монарха, он

сосредоточивался на одной-единственной задаче, и ничто не могло остановить его, пока он не добивался своего. Подобно другому монарху-полководцу своего времени, Вильгельму III, Карл верил в то, что Господь избрал его своим орудием, дабы покарать тех, кто развязывает несправедливые войны. Повседневная жизнь короля, как и всей шведской армии, не мыслилась без молитвы. Когда армия стояла лагерем, солдат созывали на богослужение дважды в день. Даже в походе по сигналу горнистов в семь утра и четыре часа пополудни армия останавливалась, и каждый солдат, обнажив голову, становился на колени прямо посреди дороги и читал молитву.

Вера сделала Карла фаталистом. Он бестрепетно соглашался с тем, что судьба будет милостива к нему лишь до тех пор, покуда он нужен для исполнения Божьего промысла. Хотя Карл из-за своей неугомонности нередко попадал в переделки, он упрямо лез в гущу боя, презирая опасность и смерть. «Меня не поразит ни одна пуля, кроме той, что предназначена мне свыше, но когда настанет ее черед, никакая осторожность мне не поможет», – говорил он. Мысль о смерти не пугала Карла, и он безбоязненно брал на себя ответственность за смерть других, посылая свою пехоту навстречу вражескому огню, но двигало им отнюдь не презрение к смерти, а воля к победе. В душе Карл сокрушался о гибели своих воинов. Как-то раз он сказал Пиперу, что, чем продолжать эту непрекращающуюся кровавую резню на бранном поле, было бы неплохо вызвать Петра на поединок. Но Пипер отговорил его.

Даже в тот относительно спокойный год в Саксонии, когда шведские солдаты отъезжали на зимних квартирах, Карл продолжал вести суровую походную жизнь. В Альтранштадтском замке он жил так же, как в бивуаке накануне сражения. Он отказал сестрам в просьбе навестить его в Германии и остался глух к мольбам бабушки, которая слезно просила его хоть ненадолго заехать в Швецию, так как счел, что это было бы дурным примером для армии.

Карл оставался целомудренным, решив, что, пока война не кончится, у него не будет любовных связей. «Пока идет война – я обручен с армией», – говорил он. Карл считал аскетизм и самоограничение необходимыми качествами полководца, хотя это послужило поводом для предположения о его гомосексуальных наклонностях. Всю жизнь Карл очень мало общался с женщинами. В шесть лет он был оторван от матери и воспитывался в мужском окружении. Подростком он был не прочь поглазеть на красивых девушек и даже флиртовал с женой придворного концертмейстера, но не знал, что такое настоящая страсть. Семнадцать лет он провел на войне и все эти годы постоянно писал сестрам и бабушке, но так и не удосужился повидаться с ними. Когда наконец Карл вернулся в Швецию, и бабушка, и старшая сестра были уже в могиле. Вообще же с дамами король был учтив, но холоден. Он не только не искал женского общества, но, по мере возможности, старался его избегать – казалось, женщины его смущают.

Каким Карл был сам, такой он хотел видеть и шведскую армию. Он задумал создать элитарный корпус из молодых неженатых воинов: королю хотелось, чтобы они думали не о доме, а о службе и сберегали силы для боя, а не растрачивали их, волочась за женщинами. Ему казалось, что женатый и обремененный детьми солдат не очень-то годится для того, чтобы под смертоносным огнем бесстрашно идти на стену вражеских штыков. Отец Карла воздерживался от плотских удовольствий, когда Швеция воевала, а Карл восхищался отцом и стремился во всем ему подражать.

Шли годы, и отсутствие у Карла интереса к женщинам становилось все заметнее. Немало младенцев было зачато от шведов за то время, пока шведская армия квартировала в Саксонии, но никто из приближенных не судачил насчет двадцатипятилетнего короля. Впоследствии Карлу пришлось провести пять лет у турок на положении то ли гостя, то ли пленника, но и там никто не слышал, чтобы женщины скрашивали долгие вечера, которые король коротал за пьесами Мольера и концертами камерной музыки. Он так долго отказывал себе в женщинах и любви, что, вероятно, в конце концов все это попросту перестало его интересовать.

Но если король не интересовался женщинами, то, может быть, он проявлял интерес к мужчинам? Тому нет никаких свидетельств. В первые годы войны Карл проводил ночи в одиночестве, впоследствии при нем ночевал дежурный паж; точно такой же порядок был заведен и у Петра, и царь порой засыпал, положив голову на грудь спальнику, но это не дает основания считать Петра или Карла гомосексуалистами.

Можно сказать, что в душе Карла было место лишь для одной пламенной страсти, и ее огонь выжег дотла все остальное: он был воином. Тому, кто посвятил себя Швеции и армии, необходима твердость, а женщины размягчают и отвлекают. У Карла не было сексуального опыта; быть может, он смутно ощущал, какую власть имеет над человеком любовь, и сознательно сдерживал себя. В этом отношении он был человек не вполне обычный. Но мы уже знаем, что король Швеции во многом не походил на других.

* * *

Первое, что сделал Петр, узнав о низложении Августа и избрании Станислава, – приказал короновать своего придворного шута королем Швеции; однако царь прекрасно понимал, что события в Польше чреваты смертельной опасностью для России. За прошедшие годы Петр уразумел, что имеет дело с фанатиком, который настроен скинуть Августа с трона, и его вторжение в Россию откладывается лишь до тех пор, пока он добивается этой цели. Поэтому Петр и был заинтересован в том, чтобы Август как можно дольше оставался у власти. Стремясь продлить пребывание саксонского курфюрста на польском троне, он щедро тратил русские деньги и жертвовал русскими солдатами. Пока война шла в Польше, она не велась в России.

Когда же Август был принужден отречься, Петр стал искать ему замену. На польском троне он хотел видеть не марионетку, а сильного, самостоятельного государя, который сумел бы и править страной, и командовать войсками на поле боя. Поначалу его выбор пал на принца Евгения Савойского – одного из величайших полководцев того времени, который был в зените славы. Евгений отвечал, что благодарен царю за оказанную честь, но ответ будет зависеть от воли его государя – императора Иосифа; императору же Евгений написал, что, как верный вассал, прослуживший своему государю двадцать лет, он и ныне целиком полагается на его решение. Императора терзали сомнения: он сознавал все преимущества того, чтобы на польском троне оказался его преданный, энергичный слуга, но побаивался задевать Карла, а провозглашение Евгения королем неминуемо привело бы к войне со Станиславом, на стороне которого выступил бы шведский король. Поэтому он отложил принятие окончательного решения и написал Петру, что, поскольку принцу Евгению предстоит новая кампания, необходимо подождать до следующей зимы.

Но Петр ждать не мог. Коль скоро армия Карла готовилась выступить из Саксонии, ему был необходим, причем немедленно, дружественный к России польский король. Он обратился к Якубу Собескому, сыну бывшего польского короля Яна, но тот отказался, сочтя эту честь чересчур опасной. Петр начал переговоры с Ференцем Ракоци, венгерским патриотом, поднявшим восстание венгров против имперского владычества, и тот согласился принять корону, если она будет официально предложена ему польским сеймом. Дальнейших шагов не последовало: Карл выступил из Саксонии и двинулся к границам России.

* * *

С отречением Августа Петр лишился и второго союзника. Из первоначального тройственного альянса Саксонии, Дании и России осталась только Россия. Теперь «сия война над одними нами осталась», – говорил он. Оказавшись со шведами один на один, Петр прилагал усилия к тому, чтобы склонить Карла к мирному соглашению или, если не получится, найти новых союзников, которые помогли бы ему избежать разгрома, представлявшегося всей Европе неминуемым.

В то время война расколола Европу на две коалиции, в каждой из которых Петр пытался найти посредника или союзника. В 1706 году Андрей Матвеев предложил предоставить Генеральным штатам 30 000 лучших русских солдат для ведения войны с Францией, если великие морские державы убедят Карла согласиться на мир с Россией. Ответа от Голландии не последовало, и Петр обратился с просьбой о помощи и посредничестве к нейтральным державам – Пруссии и Дании. Но и эти попытки не увенчались успехом. Тогда в марте 1707 года Петр попросил выступить посредником между ним и Швецией Людовика XIV, обещая ему в случае успеха прислать русские войска для ведения войны против Англии, Голландии и Австрии. Петр предлагал безоговорочно вернуть шведам Дерпт и выплатить большую контрибуцию за право оставить за собой Нарву. Он настаивал лишь на том, чтобы сохранить Петербург и устье Невы. Людовик обещал содействие.

Обращался Петр и к Англии. Еще в 1705 году, когда в Москву прибыл Чарльз Уитворт, новый дипломатический представитель королевы Анны, Петр надеялся, что тот сможет убедить свою государыню посодействовать разрешению конфликта на Балтике. Уитворт был не прочь оказать Петру услугу и ходатайствовал в Лондон о дипломатическом вмешательстве в пользу царя, но безуспешно. В конце 1706 года Петр велел Матвееву из Гааги отправляться в Англию и просить королеву, чтобы та пригрозила Швеции войной, если Карл не заключит мира с Россией. Условия мира царь оставлял на усмотрение королевы и желал сохранить за Россией только ее «исконные вотчины», то есть Ижорскую землю и, разумеется, Неву на всем ее протяжении. Если бы официальные переговоры ни к чему не привели, Матвеев должен был попытаться негласно склонить на свою сторону самых влиятельных британских министров – Мальборо и Сиднея Годольфина. Петр не особо обольщался на этот счет и говорил: «Не чаю, чтоб Малбурка [Мальборо] до чего склонил, понеже чрез меру богат, однако ж обещать тысяч около двух сот или больше».

Перед тем как отправиться из Голландии в Англию, Матвеев встретился с Мальборо в Гааге. Вот что писал герцог об этой беседе Годольфину в Лондон: «Московский посол побывал у меня и от имени своего государя рассыпался в уверениях в глубочайшем почтении к Ее Величеству... в знак чего он решил отправить в Англию своего единственного сына [на обучение]... Я надеюсь, что Ее Величество позволит это, ибо очевидно, что иные его пожелания по части переговоров Вы вряд ли сможете удовлетворить».

Таким образом, с самого начала у миссии Матвеева было немного шансов на успех, поскольку мнение Мальборо имело большой вес. Но сущность дипломатии в том и состоит, чтобы каждому дать сыграть отведенную ему роль, и поэтому Мальборо не только не отговорил Матвеева от поездки в Лондон, но даже предоставил ему для переправы через Ла-Манш свою личную яхту «Перегрин».

Матвеев прибыл в британскую столицу в мае 1707 года и был принят дружелюбно, но довольно скоро понял, что на быстрый результат надеяться не приходится. Он писал Головкину, преемнику Головина на посту канцлера, высказывая опасение, что дело может затянуться, поскольку власть здесь не самодержавная и королева не может ничего решить без согласия парламента. Наконец королева Анна приняла русского посла. Она дала ему понять, что Англия готова вступить в союз с Россией, но прежде должна заручиться одобрением своих нынешних союзников – Голландии и империи Габсбургов. Затем снова начались проволочки, но надеждам Матвеева не давал угаснуть Мальборо, который писал ему из Голландии, что употребляет все свое влияние, дабы убедить Генеральные штаты согласиться принять Россию в союз.

Но времени для политических игр уже не оставалось – в августе Карл выступил из Саксонии в поход на Россию, которого давно и со страхом ждали. Матвеев начал терять терпение. «Здесьнее министерство, – писал он царю, – в тонкостях и пронырствах subtilнее [изошреннее] самих французов, от слов гладких и бесплодных происходит одна трата времени для нас». В ноябре в Лондон приехал Мальборо. На другой день вечером Матвеев встретился с ним и попросил его, как честного человека, сказать прямо, без сладких

обещаний, может ли царь надеяться на Англию или нет. Но Мальборо от определенного ответа снова уклонился.

Подходы к Мальборо пытались найти и через царского дипломатического агента в Европе – Гейсена. Если верить Гюйссену, герцог обмолвился, что готов содействовать России в получении помощи от Англии, но просит за это пожизненную денежную ренту и земельные владения в России. Когда Головкин сообщил об этом Петру, тот заявил: «Ответствовать Геезену, и на его вопрошание, что дук Малбурк [герцог Мальборо] желает княжества из русских: на что отписать к Геезену, и если так и вышереченный дук к тому склонен, то обещать ему из трех, которые похочет – Киевское, Владимирское или Сибирское, и притом склонять его, чтоб оный помогал у королевы о добром миру с шведом, обещать ему, ежели он то учинит, то с оного княжества на все годы жизни его непременно дано будет по 50000 ефимков битых, тако ж камень-рубин, какого или нет, или зело мало такого величества в Европе, тако ж и орден Св. Андрея прислан будет».

Но ни у Матвеева, ни у Гюйссена дело дальше не пошло. В феврале 1708 года, когда Карл, устремляясь к Москве, уже перешел Вислу, Матвеев в последний раз обратился к Англии с просьбой о союзе. Просьба осталась без ответа. В апреле Петр написал Головкину: «Об Андрее Матвееве, как уже давно говорено, то ему время отъехать, ибо все [что творится в Лондоне] рассказы и стыд».

* * *

Карл наотрез отказывался вести с Россией какие бы то ни было переговоры о мире. Он отверг предложение Франции о посредничестве, заявив, что не верит царю: о каких мирных переговорах могла идти речь, если Петр пожаловал Меншикову титул герцога Ижорского и, следовательно, не намеревался возвращать эту провинцию. Петр предложил Швеции компенсацию за право удержать небольшой отвоеванный участок балтийского побережья, но Карл ответил, что не продаст своих подданных за русские деньги. Когда Петр предложил вернуть всю Ливонию, Эстонию и Ингрию, за исключением Невы от Шлиссельбурга (Нотебурга) до Петербурга, Карл с негодованием отвечал, что скорее пожертвует последним шведским солдатом, чем уступит Нотебург.

В период, предшествовавший вторжению, когда Петр выдвигал мирные предложения, а Карл их отвергал, стало очевидным одно существенное различие между ними: Петр был готов пожертвовать всем ради сохранения выхода к морю, а Карл не желал поступиться ничем, не сразившись сперва с русской армией. Таким образом, война продолжалась за обладание Петербургом, представлявшим собой не что иное, как кучку бревенчатых домишек с земляной крепостью и простенькой верфью.

По существу, Карл не видел смысла в переговорах. Он находился на гребне успеха, и вся Европа искала его расположения. Он имел великолепную, обученную, привыкшую побеждать и готовую сражаться армию и выработал превосходную стратегию, которая доселе с успехом себя оправдывала. С какой стати ему уступать неприятелю шведскую землю? Эти провинции принадлежали Швеции на законных основаниях – по нерушимому договору его деда, Карла X, с царем Алексеем; сейчас они оказались вероломно захваченными за спиной короля, и отказаться от них было бы для Карла бесчестьем и унижением. Да и сам характер кампании обещал быть таким, о каком Карл мог только мечтать. Вес эти годы в Польше он не был свободен от хитросплетений европейской политики – теперь же все решал удар меча. И пусть велик риск вести армию на тысячу миль в глубь России, но велика будет и награда – в стенах покоренного Кремля шведский король продиктует условия мира, который переживет века. А возможно, риск не так уж велик. В Швеции, как и вообще в Западной Европе, по-прежнему были невысокого мнения о русских воинах. Поражение под Нарвой не было забыто, и, несмотря на последующие победы Петра на Балтике, русскую армию продолжали считать неуправляемой толпой, неспособной противостоять обученным европейским войскам.

Наконец, нельзя не учитывать и присущий Карлу мессианизм – непоколебимую уверенность в собственном предназначении. Он был убежден в том, что Петр должен быть наказан точно так же, как был наказан Август: надлежит лишить его трона. Станислав, желая облегчить тяготы польского народа, убеждал Карла заключить мир, но тот отвечал: «Царь еще не настолько принижен, чтобы принять условия, которые я ему продиктую». Несколько позднее он вновь отказал Станиславу под тем предлогом, что «Польша никогда не обретет покоя, покуда ее соседом будет этот бесчестный царь, способный начать войну без малейшего на то повода. Прежде мне придется пойти и низложить его». Карл был настроен восстановить старые московские порядки, отменить все реформы и, главное, распустить новую петровскую армию. «Надлежит сломить и уничтожить мощь Московии, непомерно возросшую с введением иноземного военного строя», – заявил король. Карл рассчитывал на успех и, отправляясь в поход на Москву, шутливо говорил Станиславу: «Я надеюсь, что принц Соболевский останется нам верен. Не правда ли, Ваше Величество, из него выйдет превосходный московский царь?»

* * *

С самого начала Карл предвидел, что русская кампания будет не из легких. Предстояло пересекать безбрежные равнины, продираться сквозь протянувшиеся на многие мили дремучие леса, переправляться через полноводные реки. Природа как будто сама позаботилась о том, чтобы защитить Москву – сердце России. По пути на восток нужно было преодолеть несколько могучих речных преград – Вислу, Неман, Днепр, Березину. Карл и его советники разрабатывали маршрут, пользуясь картами Польши и доставшейся в подарок от Августа новейшей картой России. Окончательный маршрут держался в такой глубокой тайне, что даже ответственный за картографическое обеспечение генерал-квартирмейстер Гилленкрок не был уверен, какой из вариантов выбран.

Большинство офицеров шведского штаба в Саксонии считали наиболее вероятным, что король двинется на Балтику – освобождать шведские провинции от русских захватчиков. Этот поход позволил бы отплатить русским за нанесенное оскорбление, прибрать к рукам их новый строящийся порт, а их самих отогнать подальше от моря. Для царя, известного своим пристрастием к соленой воде и Санкт-Петербургу, это было бы тяжелым ударом. В военном отношении массированное наступление на балтийское побережье давало то преимущество, что армия Карла могла продвигаться левым флангом вдоль берега моря и беспрепятственно получать припасы и подкрепления из Швеции. Кроме того, это позволяло бы существенно пополнить армию за счет сил, дислоцированных в тех краях, – 12-тысячного корпуса Левенгаупта в Риге и 14-тысячного корпуса Любеккера, угрожавшего Петербургу со стороны Финляндии. Правда, этот план имел и слабые стороны. За семь лет войны шведским провинциям изрядно досталось. Хутора были выжжены, поля поросли бурьяном, города почти обезлюдели из-за войны и повальных болезней. Если эти истощенные земли снова стали бы ареной сражений, им грозило окончательное опустошение. Но не сострадание определило решение Карла. Просто он понимал, что, даже если все побережье будет возвращено Швеции, а над Петропавловской крепостью взвьется шведское знамя, эта победа не станет окончательной, пока в Московии правит Петр. Русские войска будут отброшены, но лишь на время. Рано или поздно неугомонный царь непременно вернется к морю. Балтийскому походу король предпочел более дерзкий план – удар по сердцу России, Москве. Карл рассудил, что, только заняв Кремль, он гарантирует Швеции надежный мир.

Разумеется, Карл не мог допустить, чтобы русские прознали о его плане. Необходимо было убедить их, что шведы выступят к Балтике. С этой целью были запланированы отвлекающие маневры. Как только король двинется на восток через Польшу и русские войска станут оттягиваться с Балтики в Польшу и Литву, финская армия Любеккера направится по Карельскому перешейку к Шлиссельбургу, Неве и Петербургу. Удар основных шведских сил неминуемо отвлечет и те русские войска, которые противостоят

Левенгаупту под Ригой. И тогда под эскортом полков Левенгаупта из Риги на юг выступит огромный обоз, который соединится с основными шведскими силами и пополнит их людьми и припасами на завершающей стадии похода на столицу России.

* * *

Тем временем во всех городах и селениях Саксонии, где были расквартированы шведские войска, полным ходом шли военные приготовления. Солдаты покидали дома и казармы, где почти год наслаждались вольготным житьем, и собирались в эскадроны и взводы. Ряды армии пополнились тысячами новых рекрутов, зачастую из числа немецких протестантов. Протестанты Силезии, в стремлении послужить монарху, который поддерживал их дело против католиков, стекались на вербовочные пункты в таких количествах, что шведским сержантам оставалось лишь отбирать самых лучших.

Шведская армия, которая во время вторжения в Саксонию насчитывала 19 000 человек, пополнилась волонтерами и выросла до 32 000. К тому же в шведской Померании обучалось 9000 свежих рекрутов из Швеции, которые должны были присоединиться к главной армии, как только она вступит в Польшу. Тогда общая численность сил Карла достигла бы 41 700 человек, включая 17 200 человек пехоты, 8500 кавалерии и 16 000 драгун. Среди драгун числилось много новобранцев из Германии, хотя далеко не все они были новичками в военном деле. По сути, они (как и вообще любые драгуны) представляли собой посаженную на коней пехоту, готовую, в зависимости от обстоятельств, сражаться как в конном, так и пешем строю. Кроме того, при армии состояли хирурги, капелланы, офицерская прислуга и всякого рода гражданские чиновники. За армией тянулось множество никем не считанных повозок, нанимаемых у местного населения для подвоза военных припасов и продовольствия на определенное расстояние.

С учетом 26 000 солдат Левенгаупта и Любеккера, дожидавшихся своей очереди в Ливонии и Финляндии, общая численность войск, готовых обрушиться на Россию, достигала почти 70 000 человек. Вся эта сила представляла собой слаженный и притертый грозный боевой механизм. В соответствии со шведскими боевыми уставами, иностранных рекрутов учили различать сигналы шведских барабанов и владеть оружием шведского образца. Было проведено перевооружение армии. На смену тяжелому клинку, доставшемуся Карлу в наследство от отцовского царствования, пришла более легкая и удобная «шпага Карла XII». Большая часть батальонов и прежде была вооружена современными кремневыми мушкетами, а теперь и шведская кавалерия получила пистолеты с кремневыми замками. Для предстоящей кампании были заготовлены большие запасы пороха, но, в соответствии с традицией шведской армии, особое внимание уделялось подготовке к ведению боя холодным оружием.

Саксонским портным прибавилось работы – надо было одеть этих самодовольных, отъевшихся солдат в новые мундиры. Когда армия вступала в Саксонию, ветераны Карла в изношенных, оборванных мундирах напоминали цыган. Теперь они облачились в новые сине-желтые мундиры, получили темно-синие или серые плащи и новые сапоги. В некоторых кавалерийских полках на смену матерчатым штанам пришли лосины, более подходившие для того, чтобы проводить долгие дни в седле. Из Швеции были доставлены новые Библии и молитвенники, накапливались медикаменты. Обильные запасы продовольствия распределялись по полковым подводам. Шведским солдатам полагался плотный рацион; почти два фунта хлеба и два фунта мяса на день, а к ним еще две с половиной кварты слабого пива, горох или каша, соль, масло и еженедельная порция табаку.

К середине августа все было готово. Карл распорядился очистить лагерь от всех прибывших к нему женщин и собрал армию на общую молитву. В четыре часа утра 27 августа 1707 года король Швеции Карл XII выехал из Альтранштадта навстречу своей величайшей авантюре. За ним могучим потоком следовали brave воины, резвые скакуны – огромная, сильная армия, какую никогда еще, за всю историю Швеции, не доводилось возглавлять шведскому королю. Нескончаемые колонны сине-желтых мундиров, тянувшиеся

по пыльным дорогам Саксонии в те дни на исходе августа, представляли собой незабываемое зрелище. «Каждый, кто видел этих храбрых, крепких, прекрасно обученных и экипированных ребят, думал, что они непобедимы», – с восхищением вспоминал какой-то швед. «Словами не опишешь, до чего великолепно смотрелись эти шведы – здоровенные, откормленные, крепкие парни в сине-желтых мундирах, – вторил ему саксонец. – Во всей Германии не сыщешь таких молодцов. То-то печалились женщины Лейпцига! И не только горько рыдали при расставании, но даже лишались чувств... то же творилось и в других городах, повсюду... ибо трудно поверить, какие вольности позволяли себе шведы в подобных делах. Едва ли не все избалованы вниманием. Если им и доведется вернуться к родным очагам, я не завидую их женам; молодой девице, будь она моим злейшим врагом, я бы не пожелал выйти замуж за одного из этих офицеров, будь он даже полковник».

Первый этап марша, проходивший через земли протестантской Силезии, более напоминал триумфальное шествие, чем начало нелегкой кампании. Здешние жители почитали Карла своим благодетелем, ведь благодаря ему были вновь открыты их кирхи. Множество народу стекалось к армейским бивуакам на ежедневные богослужения под открытым небом, мечтая хоть краешком глаза увидеть своего героя. На зрителей оказывал глубокое воздействие вид Карла, стоявшего на коленях среди своих солдат, и немало юношей, никогда раньше не бравших в руки оружия, мечтали последовать за армией, будто та отправлялась в крестовый поход. Карл не без удовольствия принимал всеобщее поклонение и даже велел своим капелланам исполнять лишь гимны, переведенные с немецкого, чтобы местные жители, услышав знакомую мелодию, могли присоединиться к молитве.

Предстоящая кампания должна была стать главным испытанием созданной королем военной машины. С самого начала было ясно, что задуман грандиозный поход. Чтобы провести армию из центра Германии более чем на тысячу миль на восток, к Москве, требовалась отвага, равная отваге Ганнибала или Александра Македонского. За три года до этого, когда состоялся знаменитый поход Мальборо, завершившийся битвой при Гохштедте (Бленхейме), англичане преодолели 250 миль от Нидерландов до Баварии. Но солдаты Мальборо двигались по густонаселенной местности, держась вблизи Рейна, по которому плыли суда с припасами. При необходимости полки могли погрузиться на эти суда, спуститься вниз по течению и вернуться на исходные позиции. Карлу предстоял вчетверо более долгий путь, пролежавший через долины, болота, леса и реки, где дорог было мало, да и людей немного. И случись неудача, отступить пришлось бы тем же путем.

Тем не менее Карл был уверен в себе и на сердце у него было легко. Пока колонны шведской пехоты и кавалерии в сопровождении артиллерии и подвод тянулись по дорогам Саксонии, Карл с эскортом из семи офицеров инкогнито завернул в Дрезден, чтобы провести вечер в обществе своего бывшего неприятеля, курфюрста Августа. Он нагрянул так неожиданно, что застал курфюрста в халате. Монархи обнялись, Август накинул кафтан, и они вдвоем отправились на верховую прогулку по берегам Эльбы. Ничто не омрачало встречу двоюродных братьев, и Карл уже не испытывал неприязни к Августу, который шесть лет назад напал на него и которого он так упорно стремился свергнуть с трона, не один год гоняясь за ним по польским равнинам. Теперь, когда Август был наказан, Карл относился к нему безо всякого предубеждения. Король осмотрел знаменитые коллекции Зеленого Свода, девятью годами раньше вызывавшие восхищение Петра, и нанес визит своей тетушке, сестре матери, – вдовствующей курфюрстине Саксонии. Это была последняя встреча Карла с тетушкой и кузеном⁴¹. В Дрездене царила безоблачная атмосфера, но приближенные Карла тревожились за государя, отправившегося в столицу бывшего врага под охраной всего семи человек. Карл, вернувшись, посмеялся над их страхами и сказал: «Мне ничто не угрожало. Моя армия была на марше».

⁴¹ На протяжении всех тридцати шести лет жизни Карла XII Август II оставался единственным монархом, с которым он был знаком лично.